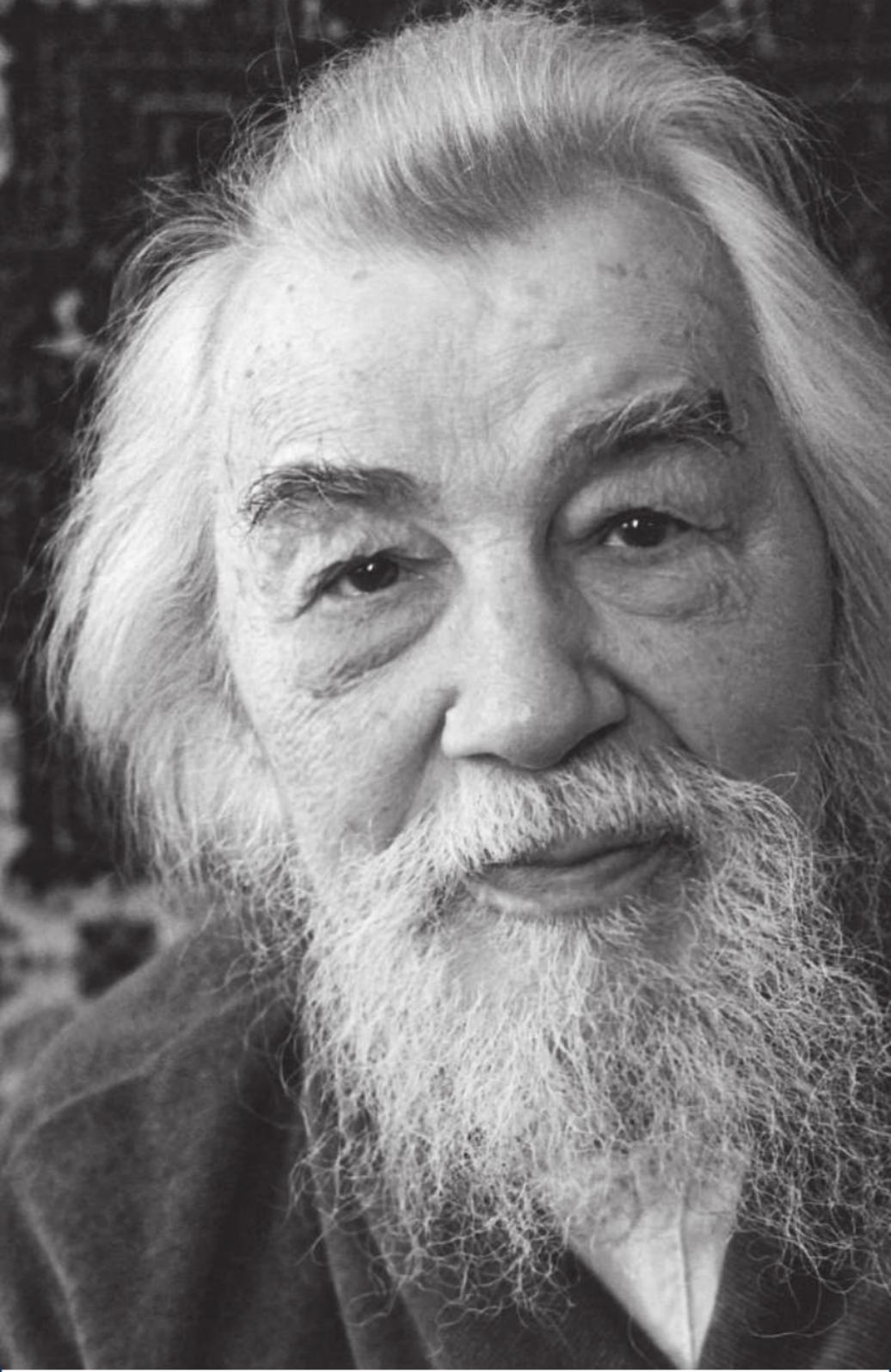

Митрополит
Тихон (Шевкунов)

**ОТЕЦ
ИОАНН**

из книги «Несвятые святые»

Митрополит
Тихон (Шевкунов)

ОТЕЦ ИОАНН

из книги «Несвятые святые»

Издательство
Псково-Печерского
монастыря
Печоры, 2019

Вольный
Странник

Издательство
фонда «Традиция»
Москва, 2019

УДК 821.161.1-322.2Тихон
ББК 84(2=411.2)6-44
Т46

Рекомендовано к публикации
Издательским советом
Русской Православной Церкви
ИС Р19-833-3602

Тихон (Шевкунов), митрополит.
Т46 Отец Иоанн. — М. : Фонд социокультурных проектов «Традиция», 2019.— 80 с.: ил.
(Несвятые святые)

ISBN 978-5-6041696-3-6

Эти рассказы, о поразительном действии Промысла Божия, о вере и радости, о любви и о сокровенном пути человека к Богу, теперь выходят в свет в обновленном виде. Каждый из них, как заветная дверь, открывающая нам путь в удивительный мир духовной жизни. И всякий из нас выбирает, какую дверь открыть...

УДК 821.161.1-322.2Тихон
ББК 84(2=411.2)6-44

© Псково-Печерский
монастырь, 2019

ISBN 978-5-6041696-3-6 © Фонд «Традиция», 2019

Я впервые увидел архимандрита Иоанна (Крестьянкина) в 1982 году, когда приехал в Псково-Печерский монастырь. Тогда, кажется, он не произвел на меня особого впечатления: такой очень добрый старичок, весьма крепкий (в ту пору ему было только семьдесят два года), вечно куда-то спешащий, даже суетливый, неизменно окруженный толпой паломников. Другие насельники

монастыря выглядели гораздо строже, аскетичнее и даже солиднее.

Обычно перед началом вечерней службы из братского корпуса Псково-Печерского монастыря вылетала странная процессия. Молодой монастырский эконом отец Филарет, подхватив под руку отца Иоанна, почти

*Отец Иоанн
и отец Филарет*

бегом тащил его за собой, так что тот еле поспевал за своим келейником. Вслед за ними немедленно устремлялась толпа паломников, поджидавших батюшку на улице. Так, все вместе, они неслись через монастырский двор. Монашеские мантии и клобуки развевались, батюшка то и дело спотыкался, задыхался от бега, впопыхах все же пытаюсь благословить кого-то из паломников и чуть ли не ответить на какие-то вопросы. Отец Филарет на это страшно сердился, кричал своим пронзительным фальцетом то на батюшку, то на паломников, иногда даже отгонял их зонтиком. Наконец он проталкивал отца Иоанна в храм и побыстрее утаскивал его в алтарь.

Надо сказать, что делал это эконом совсем не по зловредности, а потому, что в холодное время года отец Иоанн быстро простужался на улице. Когда же было тепло, батюшка рисковал вообще

не дойти до храма: люди не отпускали его буквально часами.

Мы с друзьями-послушниками, день за днем наблюдая эту картину, от души смеялись, пока со временем до нас не стало доходить, что так потешно волочащийся за сердитым монастырским экономом отец Иоанн на самом деле — один из очень немногих людей на земле, для которых раздвигаются границы пространства и времени, и Господь дает им видеть прошлое и будущее, как настоящее. Мы с удивлением и не без страха убедились на собственном опыте, что перед этим старичком, которого недоброжелатели насмешливо именовали «доктором Айболитом», человеческие души открыты со всеми их сокровенными тайнами, с самыми заветными стремлениями, с тщателью скрываемыми потаенными делами и мыслями. В древности таких

людей называли пророками. У нас в Православной Церкви их именуют старцами.

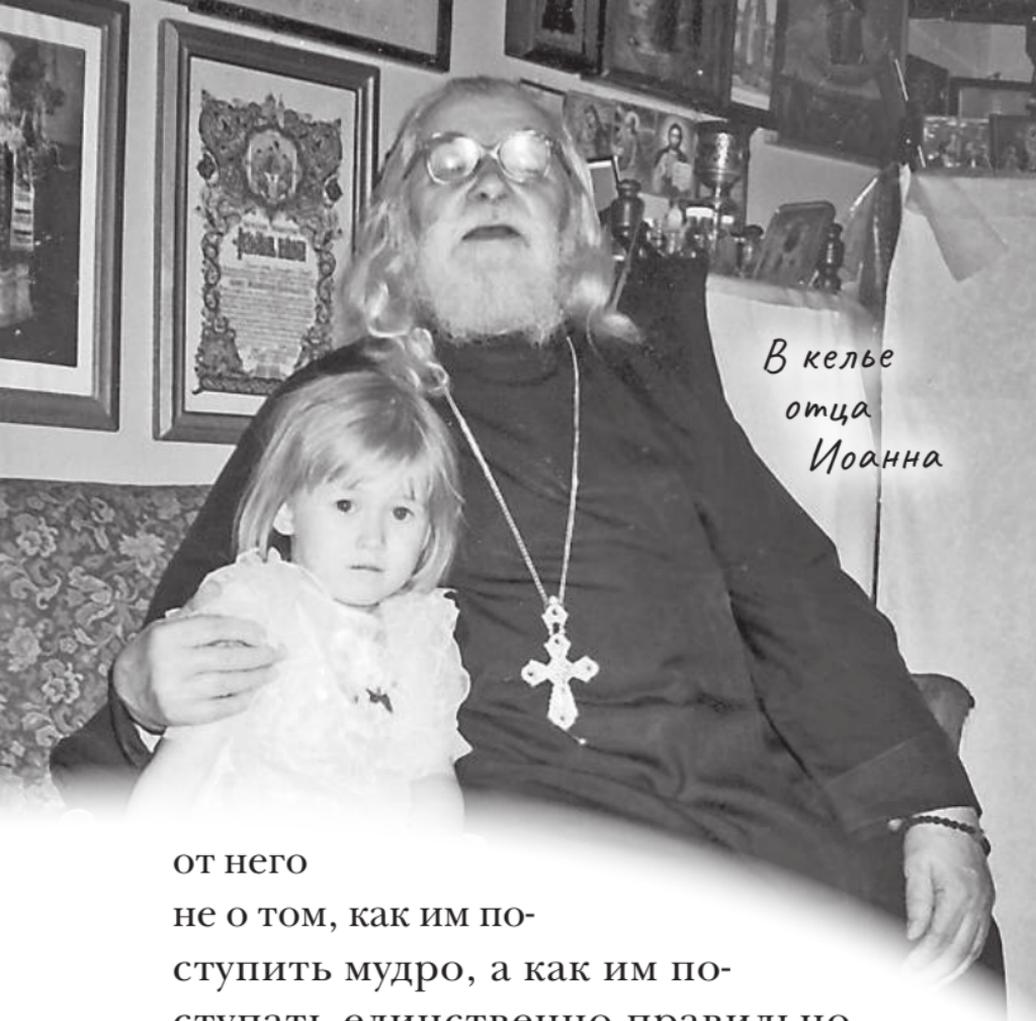
Сам отец Иоанн никогда не называл себя старцем. А когда ему что-то подобное говорили, только в ужасе всплескивал руками: «Какие старцы?! Мы в лучшем случае опытные старички». Он и до конца жизни, по глубочайшему своему смирению, был в этом искренне уверен. Впрочем, равно как и многие, знавшие отца Иоанна, были убеждены, что в его лице Господь послал им истинного старца, знающего волю Божию.

Да, это было самым главным! Отцу Иоанну открывалась воля Божия о людях. Это мы тоже поняли далеко не сразу. Вначале казалось, что батюшка просто старый и очень мудрый человек. И как раз за этой пресловутой «мудростью» к нему и съезжается народ со всех концов России. И лишь позже

мы с изумлением открыли для себя, что все эти тысячи людей ждали от отца Иоанна вовсе не мудрого совета.

Советчиков от человеческого опыта на свете немало. Но люди, появлявшиеся перед отцом Иоанном, как правило, в самые трагические, переломные моменты своей судьбы, хотели услышать

*В келье
отца
Иоанна*

от него
не о том, как им по-
ступить мудро, а как им по-
ступать единственно правильно.
Собственно говоря, этим — познани-
ем воли Божией — старец и отлича-
ется от всех остальных людей. Даже
от прославленных мудрецов, интеллек-
туалов-богословов, даже от самых за-
мечательных опытных священников.

Помню, когда я был еще совсем молодым послушником, ко мне подошел один из паломников-москвичей и поведал историю, свидетелем которой только что оказался. Отец Иоанн, как обычно, в окружении множества людей спешил по монастырскому двору к храму. Вдруг к нему бросилась заплаканная женщина с мальчиком лет трех на руках.

— Батюшка, благословите ребенка на операцию! Врачи требуют срочно, в Москве...

Отец Иоанн остановился и сказал женщине слова, которые просто потрясли паломника-москвича:

— Ни в коем случае! Он умрет на операционном столе. Молись, лечи его, но операцию не делай ни в коем случае. Он выздоровеет.

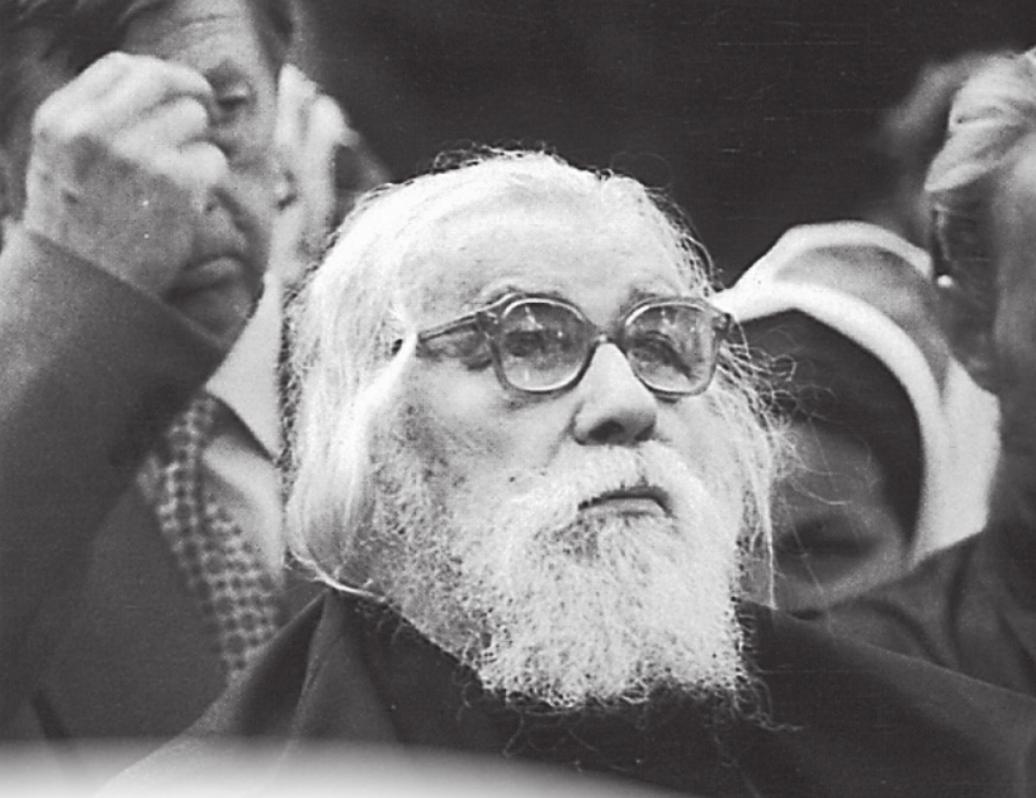
И перекрестил младенца.

Мы сидели с этим паломником и сами ужасались от своих размышлений.

А вдруг батюшка ошибся? Что, если ребенок умрет? Что мать сделает с отцом Иоанном, если такое случится?

Мы, конечно, не могли заподозрить отца Иоанна в вульгарном противлении медицине, встречающемся, хотя и очень редко, в духовной среде. Мы знали немало случаев, когда он благословлял, а порой и настаивал на хирургических операциях. Среди его духовных детей были известные врачи.

Со страхом мы ждали, что будет дальше. Явится ли в монастырь убитая горем мать и устроит чудовищный скандал, или все будет именно так, как предсказал отец Иоанн? Судя по тому, что батюшка по-прежнему мирно продолжал свой ежедневный путь между храмом и кельей, нам оставалось лишь заключить, что старец, давая столь решительный совет, твердо знал, что говорил.

Доверие
и послушание — главное
правило общения между православ-
ным христианином и его духовным от-
цом. Конечно, по отношению далеко
не к каждому духовнику можно прояв-
лять полное послушание. Да и духов-
ников-то таких единицы. Это на самом
деле непростой вопрос. Случаются тра-
гедии, когда неразумные священники

начинают мнить себя старцами и при этом повелевать, самонадеянно приказывать и, наконец, совершать абсолютно непозволительное в духовной жизни — подавлять свободу своих духовных детей.

Отец Иоанн никогда не диктовал и не навязывал

свою волю. Он бесконечно ценил человеческую свободу и относился к ней с каким-то особым благоговением. Батюшка готов был уговаривать, увещевать, готов был даже умолять об исполнении того, что, как он знал, необходимо для обратившегося к нему человека. Но если тот упорно стоял на своем, батюшка обычно вздыхал и говорил:

— Ну что ж, попробуйте. Делайте как знаете...

И всегда, насколько мне известно, те, кто не исполнял советов отца Иоанна, в конце концов горько в этом раскаивались. Как правило, в следующий раз они приходили к батюшке уже с твердым намерением исполнить то, что он скажет. А тот с неизменным сочувствием и любовью принимал этих людей, не жалел для них времени и сил, всячески старался исправить их ошибки.

* * *

История о мальчике и об операции напомнила мне похожий случай, произошедший лет десять спустя. Но закончился он совсем по-другому.

Жила в те годы в Москве необычайно интересная и своеобразная женщина — Валентина Павловна Коновалова. Казалось, она сошла с полотен Кустодиева — настоящая московская купчиха. Была она вдовой лет шестидесяти и директором большой продуктовой базы на проспекте Мира. Полная, приземистая, Валентина Павловна обычно торжественно восседала за большим канцелярским столом в своей конторе. Повсюду на стенах, даже в самое тяжелое советское лихолетье, у нее висели внушительных размеров бумажные репродукции икон в рамах, а на полу под письменным столом лежал большущий целлофановый мешок, набитый деньгами. Ими Валентина Павловна

распоряжалась по своему усмотрению — то отправляя подчиненных закупить партию свежих овощей, то одаривая нищих и странников, во множестве стекавшихся к ее продовольственной базе.

Подчиненные Валентину Павловну боялись, но любили. Великим постом она устраивала общее соборование прямо в своем кабинете. На соборовании всегда благоговейно присутствовали и работавшие здесь татары. Частенько в те годы продуктового дефицита к Валентине Павловне наведовались московские настоятели, а то и архиереи. С некоторыми она была сдержанно почтительна, с другими, которых не одобряла «за экуменизм», резка и даже грубовата.

Меня не раз на большом грузовике посылали из Печор в столицу за продуктами для монастыря к Пасхе и к Рождеству. Валентина Павловна всегда особо тепло, по-матерински

принимала нас, молодых послушников: она давно уже похоронила единственного сына. Мы подружались. Тем более что у нас всегда находилась общая тема для бесед — наш общий духовник отец Иоанн.

Батюшка был, пожалуй, единственным человеком на свете, перед кем Валентина Павловна робела, но кого при этом бесконечно любила и уважала. Дважды в год она со своими ближайшими сотрудниками ездила в Печоры, там говела